

*Для любимых женщин, благодаря которым
я остаюсь в здравом уме: Деб, Лизы и Полы
И для мам-супергероинь,
на которых держится мир*

Не было слов, их больше не существовало. Понятия времени и сознания стали зыбкими. Абстрактными.

*Но оставалось ощущение... чего-то неминуемого.
Смерть.*

Смерть, как барабанная дробь, зовущая из прошлого. У нее был знакомый запах.

Смерть.

Словно она сталкивалась с этим раньше.

ОРЛА ПЫТАЛАСЬ НЕ ДУМАТЬ об этом как об ампутации, но не получалось. Когда они уехали из квартиры в Нью-Йорке, ей словно отняли ногу. А теперь, пока она прощалась с семьей мужа в Платтсбурге и плелась на север, — еще и руку.

Она пристегнула ремень безопасности свободной рукой, глядя на ноги, обутые в грязные ботинки. Это тело больше не будет танцевать. Больше никаких головокружительных появлений, пока на сцене поднимается занавес. Никаких аплодисментов. Ее жилистые руки и ноги больше не будут двигаться плавно, словно потоки музыки. Остались лишь голые кости. И бесконечные леса.

Шоу был таким хорошим супругом первые пару недель после выхода на пенсию. Он каждый день заострял внимание на хорошем: ее вечно напряженные мышцы смогли наконец зажить; она больше не страдала от почерневших ногтей на ногах; ей не приходилось проводить много часов в день в компании потных, вонючих людей. Под впечатлением новой жизни, которую они планировали, она поддалась влиянию его оптимизма. Хотя и сама не помнила, чтобы жаловалась — по крайней мере, не часто и не

желая, чтобы жизнь стала иной. Порой у писателей источаются карандаши, а кисти у художников становятся жесткими. Это обычные препятствия в ремесле, такие же, как и ее боль, но это не повод отказываться от искусства.

И все-таки она понимала своим нутром: сорок один — это много для балерины. На все требуется больше усилий, чем когда-то. Момент настал, и она согласилась — конец ее эпохи должен был ознаменовать начало карьеры Шоу. Пришла его очередь воплощать свои художественные мечты.

Порой она не чувствовала ничего, кроме волнения от этого приключения, от таких больших перемен. Но в другие дни... переезд вглубь хребта Адирондак казался более рискованным шагом, чем она себе представляла. Предполагалось, что «уехать из города» значило «переехать в место вроде Питтсбурга, где она выросла». Этот маленький городок был лучшим из всех вариантов: смена обстановки, культуры, плюс доступным по средствам. Они нашли бы там прекрасный семейный дом, просторный по манхэттенским меркам, а дети могли бы проводить время с лола и лоло*. Ее родители были бы так рады жить рядом с ними! Но, помимо этого, как пара они придерживались философии «живи одним днем». И постигай новое. И еще открывай в себе неизведанные грани в неожиданных городах.

— *Care diem*** — пробормотала она.

* Бабушка и дедушка (*филип.*)(прим. пер.)

** Лови момент, живи настоящим (*лат.*) (прим. пер.)

Момент, когда она должна была принять происходящее, разбился вдребезги и исчез; у нее перехватило дыхание. Там, на обочине дороги, виднелась пара ног. И нереалистично раздувшееся тело.

Машина приблизилась, и стало понятно: ей не показалось, там действительно лежала задняя часть туловища — оленя, не человека. Передняя же лежала чуть дальше на снегу: ноги скрещены словно в позе лотоса, вокруг черепа брызги крови.

Дорога позади растворилась, потонув в снегу обочин. Раньше она не стала бы так реагировать, зная, что в конце дня они вернутся к Уокеру, Джули и детям.

Деревья стали гуще и поглотили свет. Назад пути нет.

Шоу перевел взгляд с дороги на нее:

— Ты только что сказала «Carpe diem»?

Орла перенеслась обратно, во враждебный мир прямо за стеклом. Улыбка Шоу напомнила ей, что надо сделать вдох. На его волосах были вкрапления голубой краски: это стало обычным делом за последний год, когда он наконец понял, куда склоняется дрожащая стрелка его внутреннего компаса. Он начинал с маленьких холстов и акриловых красок, но с годами холсты росли, а в квартире появился аромат льняного масла и скипидара. Шоу был не самым аккуратным художником, и следы на коже, одежде, волосах показывали, чем он занимался днем. Хотя то, что было у него на волосах сейчас, наверняка появилось из-за ремонта в спальне дочки.

— Неужели? — спросила она. — Может быть... Но мы ведь так и живем, не правда ли?

— Точно. Карпе-диемим на полную!

Она прыснула от смеха: иногда его энтузиазм был заразным. Надеясь поймать блеск улыбки на лице дочери, она повернулась к заднему сиденью. Элеанор Куин сидела и смотрела в окно, на небо. Орла молилась, чтобы дочь не увидела мертвого оленя. Хотелось, чтобы дикая местность, которую она называла Адирондак, пошла на пользу ее задумчивому ребенку. Элеанор Куин — для некоторых просто Эль или Элеанор, но никогда для ее мамы — не создавала впечатление крепкой и достаточно агрессивной девочки, которая сумела бы вырасти в городе. В свои девять она по-прежнему боялась темноты, хотя с этим страхом, как и со многими другими, Орла и Шоу смирились: как люди с богатым воображением они и сами не могли пообещать, что в темноте не затаилось что-то страшное. И они уважали свою дочь за практичные страхи: шумного эскалатора, который спускался в метро, сирен, которые кричали об опасности, тротуаров со спешащими, толкающимися пешеходами.

Рядом с дочкой в детском кресле сидел четырехлетний Тайко и играл с пушистым длинноногим лосем, прыгающим по его коленке. Он напевал про себя мелодию и слова, которые сам же придумал: *«Едем по дороге... Едем мы домой... Едем на машине... Очень далеко...»*

Как бы она ни старалась смириться с переездом ради детей и потому что Шоу очень сильно этого хотел, ей мешал страх того, что городская семья не сможет жить в глуши, на природе. Этот страх преследовал ее, пока они ехали в машине, — черный призрак,

человеческая фигура, словно вылитая из чернил, которую Орла видела краем глаза.

Она вернулась к разговору с Шоу, готовая (в сотый раз) потребовать, чтобы он вселил в нее уверенность: сказал, что они продумали все до мелочей и по-настоящему готовы к новой жизни. Но, глядя на него, Орла поняла: спрашивать не нужно. В нетерпении и довольный, с руками на руле, поставленными на десять и два часа, он вел старый полноприводный внедорожник, как будто только этого и ждал. Словно наконец оказался там, где ему и положено быть. Возможно, так оно и было.

Орла увидела его совершенно по-новому. Лохматая борода, грязь под ногтями, громоздкое пальто, которому на вид все двадцать лет, несмотря на то что его купили недавно. Адирондак был его территорией. Хотя родным городом Шоу являлся Платтсбург, где они провели последние три недели с его братом.

Когда она погуглила «города под Платтсбургом», то получила список деревень. А ближайший настоящий, по ее меркам, город, Монреаль, располагался вообще в другой стране. Может, Шоу никогда и не был городским парнем, но сюда его определенно завела тяга к креативу.

Неужели там его удерживала божественная натура Орлы? Иногда она видела себя его глазами — он искрился благоговением перед ее талантом, ее драйвом.

Может, когда поначалу они были просто любовниками, Шоу решил, что ее золотая пыль осыплет и его. Однако он не жаловался, когда этого не произошло, но и не отказывался от своей мечты. Орла уважала его за это, и они придерживались

городского образа жизни, даже когда их друзья переезжали в поисках чего-то нового или более просторного, в Бруклин или Асторию. А потом родилась Элеанор Куин. И Тайко. Орла дважды возвращалась к профессии после декрета, но современный балет «Эмпайр-Сити» не был таким элитным и конкурентоспособным, как у более известных городских трупп. Но она делала все, чтобы вернуться и выполнять даже сверх того, на что могло рассчитывать ее тело. Так они стали классической манхэттенской семьей, теснившейся в квартире площадью в шестьсот квадратных футов* с одной спальней, что тем не менее позволяло ей работать.

Шоу сунул диск в магнитола. Акустическая музыка, на удивление меланхоличная. Он никогда ни у кого не спрашивал, что бы они хотели послушать. Хотя Орла и была главной кормилицей благодаря значимому, хотя и не слишком выдающемуся таланту, но именно Шоу задавал в своей семье тон битников. Отец Орлы как-то назвал его дилетантом, когда они были наедине. Она думала, что это не совсем справедливо, так как Шоу взял на себя большую часть домашних обязанностей, которые они должны были делить вместе. Неоспоримым оставалось одно: истинное призвание Шоу было трудно описать. Он играл на гитаре на одних деревенских открытых микрофонах. Читал стихи на других. Писал сценарии, фотографировал и строгал куски дерева, которые так и не стали теми скульптурами, которые он себе представлял. Все изменилось за последний год, когда он

* Приблизительно 55 м² (прим. пер.)

остановился на чем-то среднем, для чего требовалась ежедневная дисциплина.

После того как Шоу привлекла одна выставка во время «галерейного забега» в Челси (любимое бесплатное занятие), он много раз пересматривал экспонаты, выказывая незнакомую уверенность: он наконец понял, что нужно делать. Направил энергию на рисование отчасти сюрреалистичных вещей, которые сам фотографировал. Поначалу его привлекала городская живопись, смесь грубого реализма с неожиданными фэнтезийными вкраплениями. Изысканные и безупречные, они сделали его предыдущие работы похожими на каракули. Но его истинным желанием стало обратить свой взор на мир природы. Если бы дело было только в недостатке места (хотя это, конечно, тоже, если он собирался делать что-то более масштабное, чем разрисовывать крышки коробок из-под обуви), то Орла, возможно, не решилась бы на переезд в сельскую местность. Но сейчас ему нужна была природа, так же как она когда-то хотела в мегаполис всей душою дивы.

Они впервые посетили это место полгода назад: по совету его брата Уокера вскоре после того, как начали обуждать, *что* могут здесь найти и *где*. Никому оно особо не понравилось — на старой деревянной ферме был беспорядок, и это место оказалось теснее, чем предполагала Орла. Тогда они даже не удосужились показать его детям, не считая стоящим вариантом, хотя и присматривали жилье в близлежащем и, несомненно, причудливом городке цепи Саранак, Лейк-Виллидж. Единственным, что действительно

запало в душу Шоу, было дерево: вечнозеленый пятидесятиметровый гигант стоял за тем, что едва ли можно было назвать домом. Его массивный ствол устремлялся вверх от центра земли, окруженный деревьями поменьше, которые на его фоне выглядели словно слуги.

В то время как риелтор делал телефонные звонки в своей машине, Орла и Шоу подошли к дереву; лицо Шоу сияло.

— Я видел такое дерево однажды, немного севернее, в походе с отцом. Я был маленький, лет девять — как Бин. И сказал отцу, что *почувствовал* его. Почувствовал *что-то*. Может, это был первый раз, когда я понял, что в мире природы есть вещи, которые пережили нас, которые видели историю и как-то по-своему записывали время. Брат тогда просто передразнил меня... как обычно. Но папа сказал что-то очень странное — настолько странное, что я навсегда запомнил, а Уокер заткнулся и больше меня не передразнивал.

— Что он сказал?

Орла сунула ладонь в его руку. Отец Шоу умер от рака поджелудочной железы много лет назад, и она жалела, что не смогла узнать его получше.

— «Иногда, когда выходишь в мир... — Он имел в виду горы, леса, ведь всегда жил здесь. — ...узнаешь новые уголки своей души». — Шоу посмотрел на нее, все еще размышляя над этими словами. — Я понятия не имел, что он имел в виду, но после этого каждый раз, когда шел в лес, искал... что-то.

— Частичку своей души.

— Может быть.

— Твой отец научил тебя... видеть, что мы являемся частью чего-то большего. Мне это нравится.

— Как же мы с тобой понимаем друг друга.

Он обнял ее лицо ладонями и поцеловал. Орла успокоилась и захихикала, как будто они вернулись в прошлое, когда только-только влюбились друг в друга.

Едва они потянулись к дереву, очарованные его древней корой, как воздух прорезал голос агента по недвижимости. Они поспешили обратно.

Орла думала, что все на том и закончится, что это была интересная возможность и приятный визит. Но после того, как они вернулись домой, Шоу начал сниться один и тот же сон: о том, как они с Орлой и детьми живут на этой земле; как расцветает сад. Он видел себя в комнате рядом с гостиной, где работал над своими шедеврами.

И они снова заговорили о том месте. Окружавшие дом деревья оказались очень красивы весной, но за их зеленым полотном вдалеке виднелось одно особенное.

— Оно будто нас охраняет, — сказал как-то Шоу. — В моих снах это дерево возвышается над всем остальным.

И его работа тоже расцветала и совершенствовалась, вбирая в себя все больше зелени, даже тогда, когда они еще не уехали из города. По мере того как его успехи росли, он убеждался в этом все больше.

— Оно зовет меня. Думаю, это моя муза.

Древнее дерево стало вторгаться в его работу, выглядывая из-за верхушек зданий.

Орла никогда не слышала зов природы, но верила Шоу. Для них обоих это было в новинку — видеть, как его поглощает создание картин. Ей нравилось, что земля напомнила Шоу об отце и уроках философии в юности. Когда через три месяца они снова обратились к агенту по недвижимости, цена упала. Дом некоторое время пустовал, родственники за границей хотели быстрее его продать и предложили цену еще ниже озвученной до этого. Когда Орла с Шоу согласились, процесс наконец был запущен.